

Институт российской истории
Российской академии наук

**ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ
В СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ**

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:

А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности, руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

История 1

«Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться...»: интервью С.М. Матевосяна об обороне Брестской крепости

Оборона приграничной Брестской крепости летом 1941 г. является одним из самых трагических эпизодов истории Великой Отечественной войны, вокруг которого продолжают дискуссии. Это событие в советскую эпоху было символом героизма и стойкости советских воинов разных национальностей. Однако о мужестве гарнизона стало известно не сразу. Ключевой вклад в восстановление истории обороны Брестской крепости и ее популяризации внес в 1960—1970-е гг. писатель-документалист С.С. Смирнов (1915—1976 гг.). Именно его усилиями был реконструирован ход событий, связанных с обороной Брестской крепости. За книгу «Брестская крепость» (первое издание — 1957 г., второе, расширенное — 1964 г.) в 1965 г. С.С. Смирнов был удостоен Ленинской премии.

В ходе работы над рукописью, стремясь к достоверности повествования, писатель в 1950-е гг. сумел разыскать немногих оставшихся в живых защитников крепости. Одним из первых, на кого он вышел, оказался Самвел Минасович Матевосян, который в 1941 г. был комсоргом 84-го полка. «Первого августа 1954 года я приехал в Ереван и увиделся с Матевосяном. Он оказался плотным, приземистым, крепко сколоченным человеком с наголо остриженной головой, с очень живыми карими глазами, быстрый, энергичный, порывистый в движениях»¹ — так описывает первую встречу с ним С.С. Смирнов в своей книге «Брестская крепость».

В архиве Комиссии по истории Великой Отечественной войны нам удалось обнаружить запись раннего интервью (за десять лет до описанной выше встречи с писателем в 1954 г.). Его Матевосян дал сотрудникам Комиссии 19 декабря 1944 г. 27 августа 1946 г. стенограмма была выправлена и заверена автором. Запись беседы отражает колоритный язык и личностное отношение интервьюируемого к описанным событиям. В более поздних воспоминаниях Матевосяна, вошедших в сборник, издававшийся Музеем обороны Брестской крепости и выдержавший в 1961—1971 гг. четыре издания², многие оценки событий и описания смягчены.

¹ <http://lib.ru/PRIKL/SMIRNOW/brest.txt> (дата обращения — 19.04.2015).

² Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. / Сост. М.И. Глязер, Л.В. Киселева, Г.И. Олехнович, Т.М. Ходцева. Минск: Государственное издательство БССР, 1961 (2-е изд. — 1963 г.; 3-е изд. — 1966 г.; 4-е изд. — 1971 г.).

Биография Матевосяна показывает нам человека деятельного, энергичного, при этом достаточно честолюбивого и импульсивного, с веселым, общительным, но не всегда уживчивым из-за своей принципиальности характером. В книге Смирнова указывается, что он пошел в армию из-за роста международной напряженности после боев на Халхин-Голе. Из интервью, данного Комиссии, можно предположить, что не последнюю роль в этом решении сыграли конфликты на работе до службы в армии. Вступив в ряды РККА в 1939 г., Матевосян сразу же попал служить в Брест. В 1940 г. он вступил в партию, после чего начал руководить комсомольской организацией и стал заместителем политрука.

По мнению Матевосяна, высшее руководство страны недооценивало угрозу со стороны немцев. Гарнизон крепости не был готов к нападению. Кроме того, боевые качества солдат, как считал Матевосян, снижали «западники», то есть призывники из западных областей Белоруссии и Украины, еще недавно находившихся под властью Польши. Они были плохо подготовлены и «политически неграмотны». В стенограмме нашли отражение паника и хаос, которые начались после внезапного нападения Германии на СССР.

Дальнейшее описание сражений во многом совпадает с тем, что было дано в книге С.С. Смирнова и воспоминаниях участников боев (в том числе и самого интервьюируемого) из сборника «Героическая оборона». Исключение составляет ряд подробностей, которые несколько снижают героический пафос ситуации. Например, расстрел собственного пьяного интенданта, упоминание о нежелании солдат выходить под пули («...кому ни прикажешь, не слушают») или рассказ о настроениях страха («Батальон, который стоял против нас, буквально в таком паническом состоянии был»). По отдельным эпизодам в интервью можно увидеть более подробную и живую картину событий (допрос пленного офицера, поездка на бронев автомобилях и др.), чем в последующих книгах.

В интервью, данном Комиссии в 1944 г., Матевосян постоянно подчеркивал свою роль в обороне крепости. Он говорил, что самыми организованными и смелыми оказались комсомольцы, которыми он руководил как политработник. Любопытен и следующий пассаж: «У меня было намерение покончить с собою, потому что выхода нет. Врач, который мне перевязку сделал, потом мне передавали, вышел и застрелился, сказал: «Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться»³. Следует, однако, признать, что до своего ранения комсорг полка играл одну из ведущих ролей в организации борьбы с атаковавшими крепость немцами.

После захвата крепости неприятелем тяжело раненный Матевосян попал в плен, откуда сумел бежать после выздоровления. И здесь интервьюированный подчеркивает свои лидерские качества. Подробно описываются скитания небольшого отряда беглецов из лагеря военнопленных по оккупированной территории, на которой, как подчеркивает Матевосян, не было партизанского

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III «Оборона городов». Оп. 10: «Материалы по обороне Бреста». Ед. хр. 1. Л. 4 об.

движения, зато легко можно было нарваться на немцев или «националистов». Помогали местные жители, которые, однако, могли и донести полицаям. Используя поддельные документы, он сумел устроиться в Луцке. Скитания по Западной Белоруссии и Западной Украине разнообразили речь Матевосяна местной лексикой, которая встречается в его рассказе.

Наконец, 2 февраля 1944 г. советские войска освободили Луцк. Матевосян организовал вооруженную группу, помогавшую в захвате города. Он вступил в Красную армию, с которой дошел до Берлина, где на здании Рейхстага оставил надпись «Я из Бреста. Самвел Матевосян».

После войны Матевосян работал инженером-геологом в Армении. За то, что в годы войны находился в плену и на оккупированной территории, его исключили из партии. В таком униженном положении его и нашел С.С. Смирнов в 1954 г. Благодаря книге Матевосян прославился, его восстановили в партии. Смирнов даже хлопотал, чтобы ему присвоили звание Героя Советского Союза, но ходатайство было отклонено. Зато в 1971 г. Матевосяну за трудовые достижения было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Поразительно, но в вышедшей в том же году «Большой советской энциклопедии» в статье про Брестскую крепость утверждалось, что Матевосян погиб при ее защите. Это противоречие дало повод для слухов, что настоящий герой погиб, а Матевосян из книги Смирнова — либо вымышленный персонаж, либо присвоил себе его документы. Дело разбиралось на самом высоком уровне, с участием председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше, тоже ветерана войны. Выяснилась ошибка автора статьи в БСЭ, доброе имя Матевосяна было восстановлено. Однако Матевосяна ждали новые испытания. Вскоре его обвинили в хищении государственной собственности при строительстве личной дачи. Дачу отобрали, звания Героя Социалистического Труда лишили. От С.С. Смирнова потребовали исключить из книги эпизоды с Матевосяном. Когда он отказался это сделать, продолжая считать того героем, тираж нового издания «Брестской крепости» был уничтожен.

В 1987 г. все обвинения с Матевосяна были сняты, его даже восстановили в партии (звание Героя Социалистического Труда было возвращено только в 1996 г.). После распада СССР он переехал жить из ставшей независимой Армении в Москву, где и умер в 2003 г. На его могиле выбита лаконичная надпись: «Самвел Матевосян. Комсорг Брестской крепости»⁴.

Интервью С.М. Матевосяна сотрудникам Комиссии от 1944 г. проливает свет на малоизвестные факты обороны Брестской крепости и поведение ее защитников. Это интервью намного «живее» и колоритнее, чем более поздние воспоминания автора, оно свободно от многих условностей и пропагандистских клише. Особый интерес представляют подробности жизни Матевосяна после бегства из плена, которые отсутствуют в книге С.С. Смирнова «Брестская крепость».

⁴ Биографические данные взяты из: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=9926 См. также: *Смирнов К.С.* Возвращение судьбы // *Смирнов С.С.* Брестская крепость // <http://lib.ru/PRIKL/SMIRNOW/brest.txt>.

Стенограмма беседы со страшим лейтенантом С.М. Матевосяном⁵

[л. 1]

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕН[ОЙ] ВОЙНЫ

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. МАТЕВОСЯН Самвэл Минасовичем

Беседу проводит научный сотрудник
ЕЛОВЦАН Ф.Л.

Записывает Шамшина А.И.

19 декабря 1944 г.
гор. Брест.

Гвардии старший лейтенант.
Командир стрелковой роты.
4-й полк, 6-я гвардейская Ровенская
краснознаменная дивизия, 13-я армия,
1-й Украинский фронт.
1912 г. рождения.
Армянин.
Член ВЛКСМ с 1927 по 1941 г.
Член ВКП/б/ с 1940 г.
Инженер.
Образование высшее.
Награжден орденом Красной звезды.

Родился в Карской области, село Карабах в Армении. Сын рабочего. Отец до революции работал на строительстве карской крепости в качестве мастера каменотеса, после революции — рабочий. В старое время он был еще немного репрессирован, не раз его таскали в жандармерию за беспокойный характер. С 1917 г. работал на заводе Севкавцинк⁶ в качестве рабочего цинковых печей, член профсоюза металлистов с 1918 г., умер в 1927 г.

Я и учился и работал одновременно в той же школе, где учился. С 1925 г. начал работать курьером в этой школе. Там же мы и жили при школе. Среднюю школу не удалось окончить. Отец умер, братьев дома не было. Один брат был в армии, другой на работе, но это не удовлетворяло семью. Пришлось бросить учебу, итти на завод, где отец работал. Там окончил курсы по подготовке во ВТУЗ⁷. Поработал на заводе, в 1931 г. отправили на учебу с завода, как тогда назывались — выдвиненцы. Еще на заводе был секретарем заводской комсомольской организации завода Севкавцинк в гор. Орджоникидзе, был членом бюро комсомола.

В 1936 г. окончил институт Цветметзолота⁸ обще-теоретический курс в Москве, диплом защищал в Иркутске в 1936 году. Вызвали в Москву в Нар-

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 10. Ед. хр. 1. Л. 1—8.

⁶ Севкавцинк — завод, расположенный в г. Орджоникидзе (Владикавказ).

⁷ Высшее техническое учебное заведение.

⁸ Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина, основан в 1930 г. В 1958 г. переведен в г. Красноярск.

комат тяжелой промышленности. Был у ОРДЖОНИКИДЗЕ⁹ несколько раз на приеме. Мне предложили поехать в Казахстан. Приехал туда. Начал со сменного инженера и дошел до главного инженера рудников, потом начальником рудников стал. В 1937 г. откуда вызвали. Там уже работа была налажена. Отправили в Армению. Работал главным инженером группы рудников Зангмедкомбината. Последняя должность — начальник группы рудников ленгруппы. Здесь расцвет моей технической мысли. Удалось кое-чего добиться. Рудники эти все время получали государственные дотации, а за год семь месяцев моей работы они дали экономию 3664 тыс. рублей. Это был первый переворот в добыче меди. Но [л. 1 об. / с. 2] вую систему я предложил — добычу медной руды с наименьшим количеством пустой породы. В газетах об этом писали несколько раз, представили к награде моих подчиненных. В это время приехала к нам из Наркомата Цветмета¹⁰ какая-то группа, чтобы передать опыт другим комбинатам. Разговорился с ними. Я передал то, что надо им, и поругался с одним профсоюзным работником резко из-за пустяка. Он говорит:

— Нарком меня послал.

Я говорю:

— Слушай, что мне твой нарком. Я служу народу.

Поругались. Они поехали туда, и за это я лишился наград. Это меня немножко потревожило. Наркома потом с работы сняли за очковтирательство. Об этом я уже в армии узнал.

Тут уже подходила осень 1939 г. Я был включен в номенклатурный список работников Наркомцветметалла. Написал маленькое заявление, чтобы меня отправили в армию. Всем это было дико. Я говорил, что пойду в армию, потому что чувствовал напряженное состояние на западе. Директором комбината был мой одноклассник по учебе, дал возможность выехать в армию. Приехал в армию, как раз в Брест, в 1939 г.

Начинали с самого простого: налево, направо, шаг назад, шаг вперед. До этого проходил военно-войсковую подготовку, лагерные сборы, но в кадровой армии не служил.

В 1939 г. был рядовым. К 1940 году мне предложили перейти на комсомольскую работу.

Раньше наш полк стоял в крепости, потом перешел в Химгородок¹¹, полигон, потом опять в крепость перешел. С 1940 г. начал руководить комсомольской организацией нашего полка 84-го, 6-й Краснознаменной дивизии. Был на конференции Западного военного округа, на 6-й окружной комсомоль-

⁹ *Орджоникидзе Григорий Константинович* (1886—1937) — революционер, советский партийный и государственный деятель.

¹⁰ Народный комиссариат цветных металлов был образован в январе 1939 г.

¹¹ Химгородок — населенный пункт под Брестом, получил свое название потому, что до 1939 г. здесь дислоцировалась химическая воинская часть Войска Польского. После захвата Брестской крепости немцы оборудовали здесь лагерь для военнопленных.

ской конференции, встречался с некоторыми работниками нашими высшего порядка. Чувствовалась, с одной стороны, беспечность, с другой стороны, какое-то безразличное отношение к тому, что делается в пограничной полосе.

Как раз перед войной за 2—3 недели приехала бригада. Было совещание, был представитель из Главного Управления Красной армии. Я был секретарем комсомольского бюро, знал об этом. На это совещание меня пригласили. Кроме того, мне все время начальник особого отдела дивизии предлагал выезжать на точки, которые строили наши дивизии, доты так называемые. Границу укрепляли, но беспечность была в том смысле, что не готовили солдат на это. Граница неплохо была укреплена в техническом смысле. Я все время выезжал с начальником особого отдела дивизии на укреп[ленные] точки. Там был недостаток технического характера, организационного характера.

На совещании делал доклад командующий 4-й армией нашей, фамилии его не помню, генерал какой-то. После его доклада начались маленькие прения. Я минуты три говорил. Сказал, что такое состояние к хорошему не приведет. В крепость привели пополнение, которое нужно го[л. 2 / с. 3]товить далеко от границы. Набрали местных западников, все перемешалось, десятки тысяч людей в крепости. Там была наша дивизия, была 42-я дивизия, были армейские, корпусные части. Я сказал, что это к хорошему не приведет, и писал попутно об этих недостатках. Перед войной было приказ сдать личное оружие на хранение.

Вот и вспыхнула война, я оказался прав. Было так. Вечером поздно 21-го я пришел домой в крепость. Дежурный по полку сказал, что есть приказ, что завтра командно-начальствующий состав выходит на осмотр военной техники на полигон, т.е. за пределы крепости. Командиры, имея в виду этот приказ начальника гарнизона, ушли из крепости по своим домам. На рассвете в половине четвертого примерно, все задрожало, все полетело. Сильный артиллерийский обстрел. Я выхожу. Одежда быстро. Дежурный по штабу бежит ко мне. Спрашиваю, что такое. Он говорит — не знаю. Бегу к полковому комиссару ФОМИНУ¹². Он тоже не знает, что такое. Говорю:

— Очевидно, война, смотрите что делается.

Мы думали, что склад взрывается какой-нибудь.

Народ, который был при штабе, ушел в подвал, писаря всякие, дежурные по полку и т.д. Там было много народу, потому что некоторые жили там. Немцы открыли сильный огонь, и до самого рассвета артиллерийская подготовка велась. Многие не успели одеться.

Огонь этот до утра продолжался. Немножко затихло, надо выходить. Никто не рискует выходить, потому что уже слышна на улице крепости перестрелка. Кому ни прикажешь, не слушают. Я выскочил, меня пуля в лоб и

¹² Фомин Ефим Моисеевич (1909—1941) — полковой комиссар, заместитель командира 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой Краснознаменной дивизии. Один из руководителей обороны Брестской крепости. Расстрелян гитлеровцами после взятия в плен.

«поцеловала» легко. Смотрю; немцы бегают около нашего штаба.¹³ Возвращаюсь. Комиссару говорю:

— Такое положение, немцы уже в крепости.

Немцы начинают закидывать гранаты в укрытия. Тут уже раненые появились наши. Я говорю, что если мы будем сидеть, всех перебьют. Беру комсомольскую группу. Оружия было мало. Основной наш резерв находится в соседнем помещении, батальоны рядом с нами. Беру комсомольскую группу, посылаю по батальонам брать людей.¹⁴

Командир полка ДОРОДНЫХ¹⁵ был в городе. К нам еще прислали младших лейтенантов 27 человек. Только два дня, как они прибыли. Это был совершенно молодой состав, только со школьной скамьи, а основные офицерские кадры, скажем, командиры батальонов, командиры рот были в городе. Капитан ГРИБАКИН¹⁶, помощник командира полка по хозяйственной части, пытался к нам пробраться, но не удалось.

Я остался в крепости. Как восстановить связь? Я до этого был радистом, сам сел на аппарат, начал выстукивать, вызывать. Никто не отзывается, а немцы все звуки в эфире глушат. Ни черта не добился.

Соседние части в еще худшем состоянии. Там абсолютно нет командиров. У нас хотя один-два командира есть.

Надо батальоны вывести из подвалов, из казарм, в боевые порядки поставить. Полковой комиссар приказывает мне организовать это дело, одевает мне четыре шпалы¹⁷, снимает с себя гимнастерку:

¹³ В более поздних воспоминаниях и интервью С. Матевосян изменяет описание первой атаки, соединяя ее со своим первым ранением. Из воспоминаний 1950-х гг.: «...И как только раздалась команда, буквально все выбежали вперед, в атаку, и тут, на рассвете 22 июня, я впервые увидел силу русского штыка ...в рукопашной схватке многие наши бойцы показали истинный героизм» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 291). В телеинтервью для фильма «Загадки Брестской крепости» Матевосян рассказывал: «...И когда крикнул «За мной! За Родину!», многие опередили меня. ...Буквально у выхода столкнулся с немецким унтер-офицером. Верзила высокого роста, мне повезло, что он тоже был пистолетом вооружен. Оба одновременно, буквально в доли секунды, вот я помню с этого момента, одновременно выстрелили, он зацепил мне, зацепил правый висок, а сам остался. Я перевязал быстро рану, мне помог ...Агулян, санитар наш. Перепрыгивая через убитые тела моих друзей и немецких убитых, раненых, шли в первую атаку...».

¹⁴ Из воспоминаний военнотружущего 5-й роты 333-го стрелкового полка А.В. Соколова: «...Из соседнего здания с криком «Ура!» на них бросились бойцы 84-го сп. Первым возглавил атаку комсорг (как я узнал позже от своих бойцов) — это Матевосян. От неожиданности немцы бросились бежать, а другая группа автоматчиков повернула назад к Тереспольским воротам.» (Алиев Р.В. Брестская крепость. Воспоминания и документы. М.: Вече, 2010. С. 275). Позже этот эпизод так и будет называться — «атака Матевосяна».

¹⁵ Дородных Семен Капитонович (Константинович) — майор, командир 84-го сп. Перед началом войны ряд подразделений, в том числе 2 батальона 84-го сп, были выведены из крепости на полигон для проведения учений. Погиб 22 июня 1941 г. при попытке прорваться в крепость.

¹⁶ Грибакин Алексей Яковлевич — капитан, помощник начальника штаба 84-го стрелкового полка.

¹⁷ Четыре шпалы — знаки различия полкового комиссара. Факт передачи гимнастерки подтверждается воспоминаниями других защитников крепости. В частности, старшина 84-го сп. А.И. Дурасов рассказывал: «...Показался комсорг 84-го стрелкового полка Матевосян в гимнастерке со знаками различия полкового комиссара» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 279).

— Идите и действуйте, другого выхода нет.

Одеваю гимнастерку. Начал людей выводить, и люди вышли. [л. 2 об. / с. 4] Третий батальон стоял рядом со штабом полка. Прихожу. Комсомольская группа сильная была. Комсомольцы первые вышли, за ними остальные и заняли оборону на территории крепости. Начали обороняться.

По соседству с нами стоял 33-й ОРБ [Отдельный механизированный разведбатальон¹⁸] абсолютно без командиров. Это самостоятельная единица. Они подчинялись непосредственно дивизии. Машины¹⁹ у них были заправлены, но боеприпасов нет. Прибегаю туда. Секретарь их батальонной организации мой хороший знакомый, говорит:

— Такое положение.

Я говорю:

— Давай сюда людей из вашего батальона.

Он говорит:

— Машины без боеприпасов.

А их склады боеприпасов уже начали гореть. Я прибегаю к первой машине. Водитель оказался комсомольцем. Подъезжаем к складу, загружаем боеприпасами. Другие водители видят такое дело, тоже подъезжают к складу. Крыши все горели, снаряды уже нагревались. Нагрузили четыре бронемашин и ушли. Подогнали машины туда, где мы оборону держали. Минут пяти не прошло, все это (склады) начало взрываться. Беру я три бронемашин; сам сажусь в первую машину и говорю:

— Будете следовать за мною.²⁰

На машинах рация есть.

Вышли из крепости через речку на другую часть крепости. Повернули к воротам в сторону города. Когда туда вышли, через мост проходили, обстреляли нас из пулемета, но пули были простые. Я дал им в ответ пару очередей. Простые пули — это для нас чепуха.

Немцы были уже в самой крепости.

Там есть много старых деревьев. Машины поставили под дерево. Вижу, немцы уже через вал цепью выходят. Я это передаю машинам:

— Как я открою огонь, поддержите.

3 пушки и 6 пулеметов на бронемашин.

Открываю огонь. Все три машины дали по этой цепи огонь. Оттуда почти никто из немцев не вернулся.

¹⁸ В данном случае Матевосян смешивает два подразделения: 33-й отдельный инженерный полк (бывший 140-й отдельный батальон) и 75-й отдельный разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии. На вооружении батальона имелись бронев автомобили БА-10.

¹⁹ Речь идет о среднем бронев автомобиле БА-10, поступившем на вооружение РККА с 1938 г. Он имел 45-мм пушку и два 7,62-мм пулемета.

²⁰ В воспоминаниях 1950-х гг. С.М. Матевосян изменяет порядок следования эпизодов, помещая рассказ о бронемашин после допроса пленного офицера. Там же он указывает цель поездки на БА-10: «Мне было приказано доставить протокол допроса этого пленного немецкого офицера со многими ценными документами, попавшими к нам, в штаб дивизии — в Брест...» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 292).

У нас боеприпасы кончились. Вернулся за пополнением боеприпасами. Когда возвращался, начали обстреливать бронбойными пулями. Башенный стрелок на той машине, где я сидел, был ранен в ногу. Он начал кричать. Там, где я сидел, пуля пробила бензопровод около моего затылка, и бензин начал литься на меня. Башенный стрелок уже не может действовать. Я приказываю развернуть машину. Водитель, замечательный парень, развернул машину. Я из пулемета дал очередь. Задняя машина, видя, что обстреливают бронбойными, отошла назад, туда, где мы стоим.

Прихожу. Боеприпасов здесь нет, этот склад уже догорает. Подходим к другому запасному складу. Оттуда пополнились боеприпасами. Обратно возвращаюсь. Посадил одного артиллериста вместо башенного стрелка, уже пехотинца. Когда перейти мост, по этой точке, откуда немцы вели огонь, орудийный залп дали штук 7 снарядов. Эти немцы все затихли. Еду обратно на то место, где машины [л. 3 / с. 5] остались. Машины мои стоят, людей там нет. Вызываю по радио. Выходить нельзя из машины. Пули свистят, перестрелка идет, никто не отзывается. Постоял немного, открываю дверь, выхожу и упал под машину. Никого нет, только немцы метрах в 400 уже другой стороной заходят.

Оказывается, танкисты мои пришли, увидели такое положение, решили выйти из машин, уйти в укрытие. Когда я вышел из машины, один из них бежит ко мне и рассказывает, что они решили уйти в укрытие.

— Давайте, садитесь по местам.

Сели они, патрон у них нет. Я говорю:

— Сейчас вас буду поддерживать.

Новая цепь немцев появляется. Тут уже пришлось экономить патроны, чтобы на обратном пути отстреливаться. Пару очередей дали. Вернулись с этими тремя машинами в центр нашей обороны, где пехота была. Немцы или наши, не знаю, у выхода из крепости поставили машину поперек у самых ворот. Пешему человеку можно как-нибудь проскользнуть, но машинам выйти не было никакой возможности. Там санитарная немецкая машина легковая открытая с белым флагом, с крестом проскочила по дороге. Сидело там два или три немца. Санитарной машине там делать нечего. Меня зло взяло, потому что они с утра открыли огонь по нашему госпиталю. Там были больные. Думаю: санитарная машина с белым флагом, как будто по международным законам нельзя по ней стрелять. Расчету говорю:

— По машине дайте огонь, чтобы они знали. Раз можно по нашим раненым палить, значит и по ним стреляйте.

Эту машину подожгли на месте и вернулись, Склад этот начал тоже гореть, к другим складам невозможно добраться, мост уже взорван, который ведет к главным складам. Многие склады уже взрываются. Выхожу из машины, прихожу к комиссару, говорю — такое положение. Он вышел, с батальоном здесь находится. Сам он со штабом в подпольном помещении и вокруг батальоны. Говорю: нужно переключаться на перестрелку солдатскую. А тут самолеты налетают, листовки, бомбы, бомбы, бомбы.

Прихожу, докладываю, что немцы частично сидят в доме, где комсоставская столовая²¹ была. Оттуда обстреливают нас. Этот дом нужно разрушить.²² Комиссар говорит:

— Надо проверить, а может, не немцы.

Я говорю:

— Как они могут стрелять по нас.

— Найдите, — говорит, — бинокль.

Подхожу к одному сержанту хозслужбы. Он оказался большим подлецом, напился пьяным, бинокль у него висит. Говорю:

— Дайте бинокль, нужно посмотреть.

— А я, — говорит, — не дам.

— Как не дашь?

— Не дам.

Я сразу — с двумя бойцами, веду к комиссару. Привели к комиссару. Прихожу и я. Нужно было приказ дать, чтобы люди окопались, тут бомбежка идет. Прихожу, комиссар с ним ругается. Я спрашиваю:

— Что вы с ним ругаетесь?

Он говорит:

— Делай с ним что хочешь.

[л. 3 об. / с. 6] Я у него отнимаю револьвер, бинокль, солдатам говорю:

— Отведите, поставьте к стенке его, — беру наган, бинокль и иду смотреть. Там действительно оказались немцы. Поставил свой пулемет, начал давать туда усиленный огонь, заставил замолчать. Пулемет оттуда больше не работал.

Прибегает МИХАЙЛОВСКИЙ²³ из роты связи, докладывает, что немцы с красным флагом идут через мост. Там ниже крепости есть мост через реку. Из крепости это видно. Бегу туда удостовериться. Я сам не знал, что немцы красный флаг несут. Прихожу, действительно, немецкий флаг со свастикой. Вывел 45-ку пушку одну, поставил в направлении моста, 3 пулемета «Максим», давай по мосту лупить, чтобы прекратить движение. На мосту получилась заваруха, они отошли. Те, которые прорвались, уже пошли на город. Они заметили, откуда стреляли, сюда усилили свой артиллерийско-минометный огонь. Через некоторое время летит самолет и по этому месту начинает бомбить. Конечно, жертвы, раненые.

Первый день я получил легкое ранение и стыдился сказать, думал, что это может повлиять на людей. Сказал врачу нашему, он мне сделал перевязку. Я был ранен в спину²⁴.

²¹ Столовая командирского состава (начсостава).

²² Уничтожить немцев в столовой начсостава удалось лишь 23 июня 1941 г. (Алиев Р. Штурм Брестской крепости. М., 2012. С. 483—484, 547—548.)

²³ Михайловский Борис Николаевич (1912—1943) — старшина, радист. Пленен немцами 30 июня 1941 г. После побега из плена создал партизанский отряд, в котором продолжил борьбу с врагом.

²⁴ Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «Уже в первый день он был дважды ранен. Сначала пуля немецкого автоматчика, выстрелившего почти в упор, рассекла ему кожу на голове. Потом гитлеровский офицер, с которым Матевосян схватился врукопашную, изрезал

Привели одного немецкого офицера, допрос сделали. Мне здесь помог лейтенант КУЗНЕЦОВ²⁵. В этот день был дежурный по полку. Если бы не он, я бы погиб. Он сильнее меня оказался. У офицера висит планшет, кресты и, характерно, все немцы в черных касках, а этот в старой кайзеровской каске. Привели. Переводчик докладывает, что это немецкий офицер из 45-й дивизии. Спрашиваю, откуда у него эти кресты. Говорит: с первой войны этот крест, за Францию этот, за Польшу этот. В планшете фото-снимок крепости, и на снимок попали даже отдельные личности, которые по улице ходили. Видно, что фигура человека здесь, там строй идет, и все склады боеприпасов красным карандашом обведены. Он говорит, что снимок сделан 6 или 5 июня [1941 г.]. В воскресный день как раз над крепостью летали самолеты немецкие, и они этот снимок произвели, а по этому снимку легко ориентироваться, где какие казармы, какие входы, выходы, где какие высоты. Спрашиваю:

— Откуда вы знаете, что именно здесь склад боеприпасов?

Он мне говорит:

— Мы не только знаем, а нам известно, кто в крепость приходил, кто уходил из крепости.

Его тогда к стенке, расстреляли, этот планшет его забрали.²⁶

У меня была надежда пробраться в штаб дивизии, который находился в городе. Приношу этот планшет Фомину, говорю: такое положение, документы ценные. Он говорит:

— Ну что-же, сможешь прорваться?

Как прорваться? Уйти одному, может быть даже удастся прорваться до штаба дивизии, все равно здесь опять будет каша. А люди уже по-настоящему начали воевать. Увидел, что наши машины обстреливают цепь, пленные появились немецкие. Одного приводят, другого. Одного немца из уборной я вытащил, привел. Он в уборной [л. 4 / с. 7] спрятался, весь выпачкался, что бы поднять настроение, для смеха я привел его, говорю:

— Смотрите, кто воюет.

Все посмеялись.

Музыкант у нас был ОГАРКОВ, комсомолец. Я говорю:

— Нужно пробраться в музыкальную команду, взять инструменты.

Он первый побежал за своим аккордеоном, принес его, начал играть марши. Это немножко подбодрило людей.

ему кинжалом спину. Но это были легкие раны, и комсорг, перевязав их, продолжал сражаться бок о бок с бойцами».

²⁵ Кузнецов Ефим Иванович (р. 1914 г.) — лейтенант, командир 1-го стрелкового взвода 7-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 84-го стрелкового полка. 30 июня 1941 г. после ранения попал в плен, последующая судьба неизвестна.

²⁶ В воспоминаниях 1950-х гг. акцент сделан на негативном поведении немецкого офицера: «Во время допроса он вел себя весьма трусливо, маленький окрик наших бойцов приводил его в истерику. Падая на колени, он все время просил пощады...» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 292). В 1997 г. оценка поведения пленного вновь изменена: «...Вел себя дерзко, вызывающе. Это был враг». (Цит. по: Алиев Р. Штурм Брестской крепости. С. 371.)

Настала ночь. Трупы валяются, помощи никакой нет, перевязочного материала нет, боеприпасов недостаточно, надо беречь их. А западники уже начинают группироваться, оружия не берут в руки, заявляют, что они воевать не будут. Я всем комсомольцам сказал:

— Заметите группу, расстреливайте, не стесняйтесь.²⁷

А винтовки уже были у нас. Комсомольцы следили за этим делом. Западники сильно повлияли на новое пополнение, молодое, которое прислано было даже не переодевшись. По крепости началась беготня этих людей. Батальон, который стоял против нас, буквально, в таком паническом состоянии был. Сотнями людей забили все казарменные ходы подземные. Забегаю туда, со мною мой помощник. Спрашиваю:

— Кто здесь старший есть?

Нет ни одного старшего, а если были некоторые, то они не появлялись. Вызываю младших командиров, говорю, что нужно организовать, ничего страшного нет, нужно продержаться, потому что соседняя дивизия скоро придет нам на помощь. Три человека выходят, начинают выводить своих бойцов для обороны. 44-й инженерный батальон²⁸ — это не боевая единица. Они и смотрели на нас, как на спасителей.

Были отдельные случаи, когда некоторые бойцы старались переплыть через речку, уходить просто. Я всем передал, что кто будет переходить, заметит, расстреливайте на месте. Будем держаться, пока есть силы.

25-го [июня 1941 г.] я получил новое ранение осколочное сравнительно легкое. Оборонялись. Уже силы начали уменьшаться, есть уже убитые, раненые, некоторые успели ускользнуть, но основное ядро осталось. Немцы беспрерывно били, палили. Мне только не удалось окончательно восстановить связь с 333-м полком²⁹, который был по соседству с нами. Пограничники прибежали к нам, влились в нашу группу. Кажется, 19-й погранзаставы, участок их был³⁰. Они тоже не знали, что делать.

В воздухе у немцев висели наблюдательные баллоны. Я приказал нашей артиллерии открыть огонь по этим баллонам³¹. 2 баллона сбили. Они руково-

²⁷ О попытках «западников» (военнослужащих, призванных в РККА из присоединенных к СССР накануне войны регионов Западной Украины и Западной Белоруссии) сдать себя вспоминали и другие участники обороны Брестской крепости, в том числе младший военфельдшер А.К. Леонтьев: «С первых дней войны поляки — средних лет, взятые на 3-месячную переподготовку, находившиеся в нашей части, пытались сдать себя, сеяли панику и страх... Однажды поляки и часть наших пытались сдать себя, начали выходить на плац. Мы дали огонь с левого крыла и центра. [Они] вернулись назад». (Цит. по: *Алиев Р.* Штурм Брестской крепости. С. 542).

²⁸ Такого подразделения рядом с крепостью не было. Возможно, имеется в виду 33-й отдельный инженерный полк либо 44-й отдельный полевой автохлебозавод 6-й стрелковой дивизии.

²⁹ 333-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии.

³⁰ Вероятно, речь идет о 9-й пограничной заставе, которая располагалась в здании у Тереспольских ворот Брестской крепости. Начальник заставы лейтенант А.М. Кижеватов, погибший при обороне крепости и посмертно награжденный званием Героя Советского Союза.

³¹ По воспоминаниям командира взвода 84-го стрелкового полка старшины А.И. Дурасова, аэростат был всего один, и приказ о его уничтожении отдавал полковой комиссар Е.М. Фомин (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... С. 279).

дили боем по всей линии на территории Бреста. Один баллон сбили над полигоном, другой выше крепости был. Но это не спасло положения. Связь по радио не удалось восстановить. Полковой комиссар говорил, что он как будто со штабом дивизии связался, и командир дивизии приказал держаться, пока он сам не придет в крепость. Это нас обнадежило.

Там были такие моменты, что сидят группами 5—10 человек наших. Немцы нажмут, мы переходим в другое помещение, и так кочевали, сегодня здесь, завтра в другом помещении. Кушать нечего было, воды не было; вонища, трупы разлагаются, жарко было. Поле стадиона все было усеяно [л. 4 об. / с. 8] немецкими трупами. Сколько я после этого ни был в боях, еще не видел такой картины, чтобы так плотно труп к трупу лежал. Немцы были все пьяные.

Боеприпасы уже иссякают, винтовки с патронами только остались. Гранат не было. Пулеметы, которые были, не удовлетворяли уже, ленты кончились. Ждали помощи, никак не могли дожждаться.

С 4-го на 5-е я получил уже тяжелое ранение, третье по счету³². Я помню момент, когда ударило меня. Я упал, почувствовал, что в ногу. У меня в правой руке был пистолет ТТ. Пистолет выбросил из руки, чтобы прикрыть эту рану, рука в рану влезает. Я фуражкой прикрыл. Подбегают мои товарищи, тащат на перевязку. Врач был комсомольцем, между прочим, фамилии не помню.³³ Он прибежал, сделал перевязку. Прибежал полковой комиссар, поцеловал меня. Ему жалко стало, что я вышел из строя окончательно.

— Ах, что ты сделал, дорогой!

Врач перевязал меня, вышел. Когда уже сделали перевязку, я попросил пистолет. Пистолета не дали, оставили около меня двух сержантов, одного фамилия АГАГУЛЯН, другого не могу вспомнить.

У меня было намерение покончить с собою, потому что выхода нет. Врач, который мне перевязку сделал, потом мне передавали, вышел и застрелился, сказал:

— Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться.

У меня было сильное кровотечение, перевели в подвальное помещение. Сколько я там лежал, не знаю. Оттуда уже меня немцы вытащили. Вытащили наши люди, немцы уже вокруг, это было с 5 на 6 июля. Они больше всего

³² Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «На третий день, когда Матевосян с товарищами отбивал атаку врага у трехарочных ворот, осколок немецкого снаряда вырвал ему часть бедра». О ранении комсорга полка к 24 июня 1941 г. свидетельствует и старшина санитарной службы В.С. Соллозов (см.: *Алиев Р.* Штурм Брестской крепости... С. 561). Возможно С.М. Матевосян имеет в виду не 4—5 июля, а четвертый-пятый день обороны.

³³ Речь идет о Бардине Михаиле Даниловиче, враче 84-го стрелкового полка, который застрелился 25 июня 1941 г. По свидетельствам других защитников крепости, причина самоубийства была в состоянии отчаяния от невозможности оказать врачебную помощь страдающим раненым и умирающим красноармейцам. Из воспоминаний В.С. Соллозова: «Ночью меня растолкал Суховерхов. Вставай, Василий, врач Бардин застрелился. Я вскочил. Действительно, Бардин лежал рядом. Из дула пистолета еще шел дымок (как вспоминают участники обороны военфельдшер 84-го полка И.Т. Бондарь и писарь А.М. Филь, врач Бардин, хороший специалист и чуткий, гуманный человек, не вынес состояния врача, который ничем не мог облегчить страданий раненых)» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... С. 257—258).

на волосы смотрели. Если волосы есть — это значит комсостав. А я тогда был не комсоставом, был заместителем политрука, этим рядовой занимается. Очевидно, это их и успокоило, что я рядовой, и они меня не расстреляли. Потом привезли туда, где сотни наших раненых людей валялись. Наши врачи ПЕТРОВ Ю.В.³⁴, ЕРМОЛАЕВ С.С.³⁵, они раньше из госпиталя попали к немцам, потом МАСЛОВ Б.Ю.³⁶ в плену был. Эти врачи и ухаживали за своими ранеными со своими медикаментами.

Мне сделали перевязку снова. На ранах уже черви были. Нас вынесли уже за крепость, привезли в химгородок. Здесь подлечили немножко. Там все время я лежал, потому что боялся, что вот-вот выдадут. А их интересовало, кто в крепости был командиром, кто руководил боем.

Наши врачи подлечили. Петрову я сказал, что здесь не останусь³⁷. Он был со мною в хороших отношениях, за мною исключительно ухаживал. Где нужно было найти лишнюю дозу таблеток, которые восстанавливают кровь, он давал. Я ему рассказал, что уйду отсюда, Маслов был там и ушел, взял 5 человек. Это было 1 сентября. Ушел ночью. Лазарет уже был опутан колючей проволокой в несколько рядов. Колы стоят обтянутые, в середине навалено так, что никакой возможности пройти нет. Беру этих пять человек. Баня была за второй линией проволоки. Раненые имели возможность ходить в баню только

³⁴ *Петров Юрий Викторович* (1909—1969) — старший ординатор корпусного госпиталя 28-го стрелкового корпуса в Бресте, попал в плен на второй день войны. В лагерях военнопленных участвовал в организации госпиталей, где до освобождения в 1944 г. спас жизни тысячам раненых. В Южном городке (Химгородок) руководил хирургическим отделением. После войны — доктор медицинских наук, профессор, работал в Институте онкологии в Ленинграде.

³⁵ *Ермолаев Сергей Сергеевич* (1904—1941) — военврач 2-го ранга, начальник лаборатории госпиталя. Позже в плену покончил с собой. Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «...Другой врач..., Сергей Сергеевич Ермолаев, позже находясь в лагере Седлец, оказался не в силах вынести все то, что ему пришлось видеть и пережить. Он покончил жизнь самоубийством».

³⁶ Видимо, речь идет о *Маслове Борисе Алексеевиче* (1904—1952) — военвраче 2-го ранга, являвшемся накануне войны начальником Брестского военного (окружного) госпиталя, который находился на Южном острове Брестской крепости. Из плена бежал, воевал в партизанском отряде, затем служил в полевом госпитале 1-го Украинского фронта. После войны необоснованно осужден за пособничество немцам, умер в лагере. Реабилитирован в 1964 г.

³⁷ Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «Гитлеровцы отправили его [Матевосяна] в лагерь для военнопленных, который они организовали в Южном военном городке Бреста. В этом лагере, где ежедневно умирали сотни людей, тем не менее, был свой госпиталь, в котором наши же военнопленные врачи лечили раненых бойцов и командиров. Матевосян пробыл там три месяца и, как только рана его немного зажила и он смог ходить, сейчас же начал готовить побег. Глубокой осенью 1941 года шестеро пленных бойцов и командиров, переодевшись в гражданскую одежду, ночью подползли под колючую проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса. Вскоре после этого Матевосян оказался в рядах партизанского отряда, который действовал на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Он участвовал в боевых операциях партизан и во время одной стычки с гитлеровцами был снова тяжело ранен. Уходя от карателей, партизаны оставили его до выздоровления в украинской деревне, в крестьянской семье. Там Матевосян поправился; потом ему пришлось скрываться от полицаяв, и в конце концов он пришел в город Луцк, где устроился работать в артель по ремонту обуви, так как когда-то знал немного сапожное ремесло. Он вскоре же принял участие в деятельности луцких подпольщиков. А когда в начале 1944 года Советская Армия подошла к Луцку, подпольщики подняли восстание в центральных кварталах, дезорганизовали этим оборону противника и помогли нашим войскам быстрее овладеть городом».

строем. Стоит часовой. Там был один саксонец. Он тоже был недоволен немцами, и мы ожидали момента, когда он будет на посту.

[л. 5 / с. 9] Я собрал этих людей, сказал, что намерен так сделать. Они согласились со мною, и мы под вечер, часов в 5—6 взяли белье, простыни, наволочки и сделали вид, что идем в баню. Он пропустил нас. Пришли в баню. Старик в бане служил, наш сторож гражданский. Помылись, он ничего не сказал. Я сказал, что как помоемся, полезу на чердак бани. Полезли туда, сидели до ночи. Ночью они все время пускали ракеты, и ночь попалась неудачная, лунная.

Под вечер, когда совсем стемнело, немцы обходили все помещения за второй проволокой, не спрятались-ли кто-нибудь из бани, а на чердаке никто не будет смотреть, потому что с другой стороны бани их караульное помещение, а чердак общий.

Посидели там. Вылез! дверь уже закрыта из бани. Я беру обмотки, разматываю их, связываю четыре или пять штук, сделал веревку. Я первым спустился. Все сняли ботинки с ног, чтобы не было шума. Подхожу к дверям. Замок висит, но не закрыт. Очевидно, старик или заметил, что мы туда полезли и чтобы отвести глаза немцев замок туда повесил, или просто забыл закрыть, или ключа у него не было.

Я за замок, замок открылся. Открываю дверь, по ступенькам иду на чердак.

Вторая проволока от нас метрах в 35—40. Подползли на животах к этой проволоке, а немцы здесь ходят, что-то болтают. Перелез я, второй, третий, четвертый за проволоку зацепился. А они повесили на проволоку жестянки от коробок, чтобы они звонили. Это заметили, вероятно, начали пускать ракеты.

Мы вышли за проволоку все шестеро и побежали. Со мною был ХЛЕБНИКОВ³⁸. Жена его работала в военторге в городе. Когда мы были в лазарете, она почти каждый день носила ему кушать. Хлебников от меня откололся, пошел в город. Он говорил, что не хотел расставаться с семьей. Остальные, ЛЕВИЦКИЙ, АГАГУЛЯН Арцвик³⁹, КУЗНЕЦОВ и НУРИДЖАНИЯН⁴⁰, старший сержант остались и я пятый. Начали по лесам пробираться. Пошли в сторону Ковеля. У меня рана зажила, но не окончательно. В день сделаешь 5 км., ждешь, пока силы наберутся. Голод, организм истощал. Но нам крестьяне помогали. Я, откровенно говоря, не появлялся, все в лесу, а Кузнецов, живой и шустрый, все ходил, выпрашивал у крестьян хлеба и все, что нужно для дороги.

Двигались параллельно железной дороге и шоссе, которое идет с Бреста на Ковель. В хутора особенно не заходили. Бывали моменты, что приходилось через болота итти. Меня, буквально, на руках несли. Пробрались на Вольту.

³⁸ Хлебников Евгений Георгиевич (1919—1969) — старшина 3-й минометной роты 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии.

³⁹ См. выше.

⁴⁰ Нуриджанян Сос Вениаминович (1920—1968) — старший сержант, помощник командира взвода 84-го сп. После побега из плена сумел пересечь линию фронта и вновь попасть в армию. Под Севастополем второй раз попал в плен, откуда в 1944 г. бежал и участвовал во французском Сопротивлении.

Агагулян и Нуридджанян откололись от нас, потому что они нацмены, были похожи на евреев, а евреев сильно преследовали. Немцы всех черных считали евреями. Я говорю:

— Такое дело, товарищи, надо разбиться на две группы.

Я остался с Левицким, Кузнецовым, а эти пошли вдвоем. Здоровые хлопцы. Говорю:

— Вы более здоровы.

Кузнецов был ранен в плечо, Левицкий в переносицу. Говорю:

— Пробирайтесь через линию фронта. Постепенно будем итти.

[л. 5 об. / с. 10] Я с этими двумя хлопцами добрался до Волыни в сторону Луцка. Скитались в лесах. В деревнях появляться воздерживались, потому что здесь начали уже ловить наших людей. Помню, одно село в Цуманском районе, Ровенской области находится в лесу. Левицкий остался в селе Хотины работать у крестьян. Мы с Кузнецовым решили дальше пробираться. Пробирались-пробирались, дошли до этого села, которое в лесу было. У Кузнецова была метрическая выписка, а у меня был поддельный красноармейский билет еще в лазарете, других документов нет. Думаю: на всякий случай пусть будет.

Некоторые крестьяне симпатизировали нам.

Пришли к солтусу⁴¹, ночевать нужно, уже холод наступил. Староста села взял у меня этот билет, говорит:

— Правило такое, кто ночует, тот оставляет документ у меня, — и у Кузнецова метрическую выписку взял, сам вышел.

Мы сидим у него в комнате. Через пару минут приходят три здоровых хлопца. Вновь организована полиция была по селам. Он их привел. В соседнюю комнату дверь открыта. Хозяин говорит:

— Один жид, а другой неизвестно кто, оба ранены, нужно их отправить в район.

Мы услышали, но не подаем виду. Просим дать ночлег.

Он направляет свою девчонку:

— Подите в нашу хату, — уверен, что мы ничего не знаем.

Девчонка тоже ничего не знает, доводит до двери, говорит:

— Здесь живет хозяин и хозяйка, — а сама дальше не пошла.

Мы пришли к этим людям, попросили у них воды, о ночлеге ни слова и пошли. Пробирались, ночь в лесу.

В местечке Четвертня кушать надо было достать. Пришли до одного поляка. Кузнецов молодой. Поляк так и сказал, что «он у меня остается работать, я его усыновляю. А вы, — говорит мне, — идите в другое село, где мало бывают немцы, далеко от железной и шоссейной дороги».

Кузнецов остался там, я пошел дальше. По дороге встречаю пленных. Организовал маленькую группу человек в 8. Решили вооружиться. Выхода другого нет, фронт уже далеко. Надо вооружиться, в лесах перезимовать. 7 или 8 человек было первое время. Тоже такие были, командиры, все комсомольцы,

⁴¹ Так на Западной Украине называли сельского старосту.

мы друг от друга не скрывались. Оружие, 2 винтовки были, один пистолет и несколько патронов, вот и все наше вооружение. Решили собрать всех людей, которые блуждают по деревням. Вернулись уже в район Ратно⁴². Намерение было добраться до Беловежской пуши, — там лес большой, спокойно, — перезимовать здесь, достать по пути оружие. Во главе нашей группы был полковн[ик] Арцышевский. Я его помощник.

В конечном счете собралось 23 или 24 таких человека. Оборванные, бродят голодные. Под Ратно наткнулись на немецко-украинскую жандармерию. Это было в ноябре после праздника. Нас обстреляли. Я тут получил ранение новое, в бок ударило и в кисть правой руки. Разбежались, [л. 6 / с. 11] сопротивления не окажешь. Я с неким ПАВЛОВЫМ, младшим лейтенантом, пробрался в Луцкую область по лесам, и здесь один крестьянин нашелся в селе Мильск⁴³, некто РОМАНЮК, взял к себе. Я ему не говорил, кто я, что я, просто сказал, что отец мой священник, другого выхода не было. Работать я особенно не умею, потому что я с завода.

— Если дадите возможность у вас перезимовать, залечить раны, значит, буду работать, все, что прикажете делать.

Крестьянин очень солидный, крупный землевладелец. Детей у них не было, старик с женой. Я у них перезимовал и начал работать. На лето 1942 года началось украинское националистическое движение в этих районах. наших партизан здесь не было.

Характерно, когда группа наша зарождалась, мы песню сочинили. Припев такой был:

Это было в Белоруссии,
Шел проклятый 41 год
Озверевшие фашисты нарушили
По полям, по болотам, по лесам шли.

Мотив подобрали к ней. Сядем где-нибудь и начнем. Стремление одно было: как-нибудь восстановить связь с фронтом, получить оружие и действовать. Партизан тогда вообще никаких не было. Националисты летом 1942 года стали полными хозяевами, и немцев не стало в селах. В тех селах, которые были ближе к городам, начали брать пленных, а дальше не заглядывали.

В этом селе жил я до лета 1943 года. Партизан наших не было. Я жил у этого крестьянина. Научился пахать, сеять и т.д. Раньше я думал, что все пшеницей называется, а оказывается, не все пшеница. Я не знал, что белый хлеб из пшеницы получается, а почему-то пшеница в голове засела.

В селе жил. Приходили пленные наши, бежавшие из Германии, приходили высланные в Германию на работу. В селе этом уже были пленные, вначале их было пять, потом прибавилось, потом опять убавилось, менялся состав. Крестьяне дали мне кличку «батька полоненных».

⁴² Ратно — поселок в Волынской области Украины, расположен между Брестом и Ковелем.

⁴³ Мильск (Мыльск) — село в Рожицком районе Волынской области в 30 км к северу от Луцка.

Крестьянин, у которого я жил, очень содержательный был. Уйти я не мог, документов не было, внешность моя очень схожа с еврейской. Националисты в 1943 году летом пришли за мною, но крестьянин этот строго за меня стоял.

Он имел большое влияние. Я сказал, что репрессирован советской властью, сослан на аэродром, получил во время бомбежки ранение, другого выхода не было. А документы достать невозможно. Итти от села до села — это значит попасть в руки националистов.

Летом 1943 г. пришел я вечером домой в июле месяце. Уже дома не спали летом. Даже хозяйка сама боялась спать, потому что националисты в соседнее селе приходили, пленного убили и хозяев убили за то, что пленных держат. Я спал в клуне⁴⁴. Ночью приходят. Хозяин любил пить. Он дома мало бывал. Ночью пришли, стучат часов в 12. Я думаю: наверно, хозяин вернулся. Разговаривают: «учиняй, учиняй...», потом резкий удар, стекла полетели. Я подхожу к щели. Смотрю, трое стоят у двери, один в окно лезет и фонариком освещает. Я думаю: это за мною пришли. Открыли. В комнате [л. 6 об. / с. 12] спал другой работник хозяина, польский хлопец лет 17, некто Стах. Спрашивают:

— Где он?

А тот говорит:

— В клуне.

Я слышу это, через другую дверь ухожу в поле. Темная ночь была. Оставил свое пальто на соломе, где спал. Прошел метров 50, думаю: теперь они меня не заметят.

Они крутились-крутились там, этого хлопца бьют:

— Где, покажи?

А он кричит:

— Видите, он здесь спал, — показывает на пальто.

Пару выстрелов они дали вверх и ушли.

Там был пленный некто Степан СЕНАТОВ. Я иду к нему ночью, говорю:

— Поднимай всех пленных.

Пошли до другого, Мишка там был, потом Иван был. Просидел ночь, прихожу к солтусу, бывшему немецкому пленному. Он бежал из Германии, в польской армии служил, Иван, забыл фамилию. Говорю:

— Вот что, Иван, такое положение. Пришли «гости», об этом уже по всему селу разнеслось. Оставаться мне здесь нет смысла. Я ухожу. Иду в партизанский отряд.

А пленные, которые здесь были, боятся идти. Говорю:

— Если пленные пострадают, так и знай, все село сожжем, — и ушел.

Пришел к хате, говорю:

— Прощай, спасибо тебе, что держал меня столько времени.

Добрался до железной дороги. Этот Иван дал мне справку на фамилию ТЕВОСЯНА С.А., там написал, что осужден и т.д. Голова побоялся оформить

⁴⁴ Амбар из бревен, место для ночлега.

мне документы. Я пошел с этой справкой, дошел до Луцка. Там была мастерская сапожная. Прихожу туда, там бывшие пленные работают. Некоторые работают сторожами, некоторые сапожниками. Раненые там были, встретил одного земляка. Говорю, что такое положение. Он идет к хозяину этой мастерской, немцу, говорит, что пришел земляк. Он меня знает как бывшего осужденного, рекомендует меня, просит на работу устроить. Меня приняли на работу. Здесь я работал сперва сторожем, а потом назначили меня старшим рабочим по приведению в порядок двора, мостовую сделать, канализацию и т.д. Работал, пока наши не пришли в эту мастерскую.

В ночь на 1 февраля уже фронт был близко к городу. Немцы начали полностью эвакуироваться, раздали населению оружие, особенно польскому. На что они рассчитывали, не знаю. Я беру группу пленных, которых знал, у поляков берем оружие. Вот, теперь настал момент. Не удалось с партизанами соединиться, давайте сейчас действовать.

С 1-го на 2-е наши подходили уже к городу. А немцы через Киевскую улицу двигались, особенно где наши мастерские. Около мастерских кладбище. Мы здесь сделали засаду. Как раз шла колонна немцев. Я говорю:

— За все, что перенесли, за все мучения, огонь!

Тут залповый огонь, немцы разбежались, думали, что наши части в городе. Началась паника среди них, отступ[л. 7 / с. 13]ление, и на рассвете наши вступили в город.

Я со своей группой пошел догонять немцев, а наши части сзади. Во время перестрелки мы встретились с командиром части, которая город брала, майором АГАРЯНОМ, он потом стал комендантом города. Моя группа в гражданской форме перестрелку ведет, мои вперед лезут. Я ему докладываю, что такое положение. Он спрашивает, чья это группа. Я говорю, что старший я здесь.

— Ну, молодец, — поблагодарил, — действуй, помогай.

Часть немцев осталась в городе. Моей группе поручили заняться очисткой города, закрыть все склады, которые есть в городе, установить контроль, чтобы не расхищали. Две недели группа занималась этим. Потом военное положение в городе кончилось, группа пошла моя полностью в армию. Пришел в Ровно.

Когда уже немножко установилась власть к концу второй недели, мне предложили в промышленном отделе горсовета работать, но я говорю:

— Здесь делать нечего, нужно идти воевать.

Пошел в Ровно с группой. Они пошли в армию, а меня послали на курсы усовершенствования. После курсов пошел на фронт.

Юго-западный участок Брест-Литовской крепости, где мне было приказано руководить обороной, с 22.06.41 г. по 28.06.41 г. неоднократно (за день 4—5 раза) переходили в контратаку, в рукопашный бой. Бойцы и командиры, которые меня знали до войны, при обращении со мной во время боя говорили

«тов[арищ] герой советского союза» (присвоили сами), а те которые не знали, называли «тов[арищ] полковник», так как я носил гимнастерку с 4-я шпалами.

27.08.46 г.

Матевосян⁴⁵

[л. 8]

Копия

СПРАВКА

Свидетельствую: гв[ардии] ст[арший] лейтенант МАТЕВОСЯН Сергей был ранен 25.VI 1941 г. в боях на защите Брест-Литовской крепости и лечился мною. Диагноз: пулевое сквозное ранение верхней трети правого бедра. Ножевое ранение поясничной области. Гранатно-осколочное ранение правой голени.

Нач[альник] АПГЛР2514

Майор м[едицинской]/с[лужбы] МАСЛОВ.

/ б[ывший] начальник Брест-Литовского госпиталя/

/М.П./

С подлинным верно

Ф. Еловцан

2/I 45 г.

---

⁴⁵ Весь абзац — рукописный текст. Автограф С.М. Матевосяна.